

| Свет мой

Свет мой, смотри, у моей души
прямо по краю расходятся швы,
видишь, прорехи стынут.
Это так страшно — проснуться живым,
тело баюкать, склоняясь над ним,
мучиться, что отнимут...

Елена Касьян

В пять утра Наташа резко проснулась и села в постели, вцепившись руками в одеяло. Сердце колотилось где-то в горле: и присниться же такое! Она отдышалась, встала и босиком пошлепала на кухню. Выпила воды и подошла к окну — сначала рассеянно таращилась на привычный вид, а потом нахмурилась: еще вчера все было в снегу, а сегодня... Никакого снега — сухой асфальт! И светло не по времени. На ветках растущего под окном дерева набухли почки, а градусник и вовсе показывает что-то несусветное для начала марта: плюс семь градусов! Странно.

Она вернулась в комнату, оживила мобильник, на котором высветилось время и дата: «05:04» и... «8 апреля»!

Как — апреля? Не может быть!

Наташа включила ноутбук, который показывал то же самое. И некоторое время ошалола паялилась в экран, недоумевая: когда успело пройти столько времени? А главное — почему она этого не помнила? Куда подевался це-

Светлана Юлиановна

лый месяц ее жизни? Потом Наташа осознала, что «Рабочий стол» монитора тоже выглядит не как обычно: пустое голубое поле и всплывающая панель управления. А где все ее файлы и ярлыки? Где заставка с котиком? Посреди голубой пустыни монитора висит одинокий значок файла с названием «ПРОЧТИ!»

Наташа дрожащей рукой навела курсор и открыла файл: «Если ты читаешь эти строки...»

Она дочитала до конца (текст был довольно большой) и прикусила губу, глядя в пространство: значит, это был не сон... Так вот почему она не помнила прошедший месяц. Потом Наташа протянула руку, взяла мобильник, открыла фотоальбом и просмотрела несколько снимков одного и того же лица, казавшегося ей смутно знакомым. И снова принялась читать текст, теперь очень внимательно и сосредоточенно: «Если ты читаешь эти строки... Нет, не так. Если я читаю эти строки, значит — я вернулась...»

* * *

Субботним мартовским вечером в одном из баров небольшого провинциального городка сидел молодой человек — высокий, русоволосый, весьма симпатичный. Зашел он туда случайно — переждать внезапный дождь, хотя раньше мог считаться завсегдатаем: бар славился дешевой выпивкой и доступными девушками.

Как раз сейчас Егор — так звали молодого человека — с интересом рассматривал одну из девушек, что сидела у стойки бара. Одетая она была скромно: тонкий серый свитерок, простые джинсы, кроссовки. Первым делом Егор оценил ноги: в отличие от приятелей, которые обращали внимание на женский зад или грудь, он считал, что порода определяется именно по ногам — икрам, щиколоткам, ступням. И по рукам — локтям, запястьям и пальцам. К тому же руки — особенно пальцы! — сразу выдают стерву. У этой и с ногами, и с руками все было в полном порядке, так что Егор мысленно поставил ей парочку плюсов. Она очень изящно сидела на неудобном круглом табурете, прямо держа спину. Ну да, осанка тоже важна. Еще плюстик. Линия бедра красивая, и грудь нормальная, небольшая — Егор терпеть не мог модные нынче силиконовые «дыни». Шея длинная, нежная, высокие скулы... Девушка сидела вполборота, о чем-то разговаривая с барменом, и Егор все ждал, чтобы она повернула голову — надо же и лицо увидеть. Единственным минусом пока что были волосы — Егор любил длинные, а эта так коротко подстрижена! Просто перышки какие-то на голове, и цвет невразумительный.

Тут девушка наконец обернулась и посмотрела прямо на Егора, почувствовав, очевидно, его взгляд. Некоторое время она задум-

Сиделка у бармена

чиво его рассматривала, потом плавно соскользнула с высокого табурета и направилась прямо к его столику. Невысокая! Метр шестьдесят, не больше. Еще один плюс — он не любил дылд. Егора поразила замедленная грация ее движений: неспешно подплыла, кивнула: «Можно?» Егор вскочил, отодвинул ей стул и жадно вгляделся в лицо: почти без косметики, изящные брови, прямой нос, красивый рот.

— Меня зовут Наташа. А вас? — тихо произнесла девушка и улыбнулась.

Это было как удар под дых: улыбка вспыхнула маленьким солнцем, и Егор обомлел, не сразу поняв, о чем она спрашивает, а в его сознании тут же с легким шелестом осыпались все заботливо выставленные плюсы-минусы, которые на самом деле не имели никакого значения — это лишь самообман. Дело было вовсе не в ногах или длине волос — и даже не в глазах или улыбке. Но надо же как-то объяснять друзьям — да и себе самому! — почему ни одна из прежних девушек его не зацепила: подсознательно Егор мечтал о такой же силе взаимного притяжения, которая до сих пор существовала между его родителями.

Наташа ничем не напоминала Егору мать — совершенно другой тип. Другой — но какой? Что-то было в ней... загадочное. Наташа казалась то совсем девочкой, то опытной

женщиной. Особенно поражали глаза: огромные, зеленовато-серые, с длинными ресницами — очень печальные, слегка растерянные. И такая ослепляющая улыбка! Егору вдруг во всех красках представилась картинка из глубоководной жизни: рыба-удильщик со светящейся приманкой на конце длинного усика и доверчивая рыбешка, послушно заглатившая приманку и плывущая прямоком в разверстую пасть. Он помотал головой, прогоняя непрошеное видение.

— Вы забыли, как вас зовут? — спросила Наташа.

— Да нет, конечно! Я Егор.

Он смотрел на нее, надеясь на новую улыбку, — Наташа действительно улыбнулась, но никакого солнца не вспыхнуло, просто чуть дернулся уголок рта. Кашлянув — что-то голос сел, — Егор спросил:

— Заказать вам что-нибудь?

— Я бы выпила кофе.

— Капучино, американо?

— Черный, пожалуйста.

— Может быть, пирожное?

— Не хочется, спасибо.

— Вы часто здесь бываете? — спросил Егор, глядя на то, как она рассеянно отпивает глоток кофе и ставит чашечку на блюдце.

— Случайно зашла. Дождь переждать. А вы?

— Бываю иногда. А чем вы занимаетесь, Наташа?

Сладушка для Давыда

— Я занимаюсь тем, что живу. Это требует приложения массы усилий.

— Но вы работаете?

— Да. Но это скучно. Контракты, счета, договоры. Бумажки, одним словом. А вы?

— Примерно тем же самым.

— Понятно.

Егор торопливо добавил:

— Но у меня есть хобби. Я увлекаюсь скалолазанием.

— Значит, вы альпинист?

— Скалолаз. Это разные вещи. Похожие, конечно. Но у нас снаряжение проще и легче, что немаловажно.

— И где же вы... лазаете?

— Ну, я пока по подготовленным трассам. Но на естественном рельефе! В смысле, на природном. Мечтаю освоить on-sight. Это значит, что я должен пройти трассу с первой попытки, сразу, почти ничего о ней не зная: посмотрел снизу, и все.

— И вам не страшно? Это же опасно.

— Страшно, — честно признался Егор, удивившись сам себе: перед девушками он обычно изображал эдакого супермена, которому сам черт не брат. — Не все время, конечно, но иногда бывает. Поэтому пока и не могу работать solo, а уж free solo и недавно...

— Solo — значит в одиночку?

— Ну да, а free solo — без страховки.

— Нет, я бы не смогла, — подумав, сказала Наташа.

— А вы попробуйте. Недавно в городе открылся скалодром. Такая стена с выступами, можно полазить со страховкой. На Завьялова, за водокачкой — знаете?

— Примерно. Но я высоты боюсь.

Они помолчали, глядя друг на друга, потом Наташа неожиданно спросила:

— А мы с вами раньше не встречались?

— Нет, я вижу вас впервые. А что?

— Ваш голос кажется мне удивительно знакомым. Тембр, интонации...

— Даже не знаю... Может, пересекались где-нибудь — город-то маленький. Но я бы вас запомнил. Такие глаза забыть невозможно. А ваша улыбка... Она потрясающая! Волшебная. Просто сбивает с ног.

— Вы первый, кто мне это говорит.

— Не может быть. Вы знаете, у нас есть один родственник — папин двоюродный брат, очень хороший дядька. А у него жена... Такая неприятная дама. И некрасивая. Я все не понимал, почему он ее выбрал. Спросил у отца, тот ответил: «Она улыбнулась, и он пропал. А потом ему уже некуда было деваться». И я стал ждать, чтобы она улыбнулась — все понять хотел. Но так и не дождался. А теперь вот понял!

Наташа чуть усмехнулась, и Егор, продолжая удивляться собственной неожиданной

Сладушка для бабушек

откровенности, покраснел и торопливо добавил:

— Но я совсем не хотел сказать, что вы неприятная. Наоборот! Вы очень милая и красивая. Просто улыбка затмевает все.

— Я же не нарочно. Я вообще редко улыбаюсь.

Уголок ее рта снова дернулся, и Егор вдруг понял, что это вовсе не усмешка, а что-то вроде легкого тика — произвольная гримаска, возникающая от неловкости или смущения. Он приободрился: «О, да она тоже нервничает». Наташа взглянула в окно и сказала:

— Дождь перестал. Может, пойдём? А то здесь так шумно.

— Куда... пойдём?

— К тебе, например. Если хочешь.

— Хочу, конечно. Я поймаю такси.

За всю дорогу Егор даже пальцем к ней не притронулся, хотя обычно... Но сегодня все было не как обычно, — он робел, словно на первом свидании. Когда поднялись в квартиру, Егор вдруг вспомнил, что не обговорил условия: как правило, он делал это еще до такси. Он забормотал, краснея:

— Ты ведь понимаешь, что мы... Ну... В общем, я не поддерживаю длительных отношений, так что... Это все разовое. Пара ночей, максимум неделя...

— Я знаю. Все было понятно с самого начала: *«Этот ливень переждать с тобой, гетера, я согласен, но давай-ка без торговли...»*

- А?
— Это стихи Бродского.
— Бродского?
— Иосиф Бродский, «Письма римскому другу»:

Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
чем наряда перемена у подруги.
Дева тешит до известного предела —
дальше локтя не пойдешь или колена.
Сколь же радостней прекрасное вне тела:
ни объятья невозможны, ни измена...

Егор оторопело моргал. Он никак не ожидал. Впрочем, он и сам не знал, чего ожидал. Поломался весь привычный алгоритм, и он занервничал: может, зря пригласил ее домой? Впрочем, это ведь она его пригласила.

— Ты не знаток поэзии. Ясно, — чуть улыбнувшись, сказала Наташа. — Я могу остаться до утра?

— Да, да, конечно.

— Но ты не думай, я действительно случайно зашла в тот бар. Потом только бармен меня просветил. А ты часто снимаешь там девушек?

— Ну-у... Не так чтобы часто... Бывало пару раз.

— Ты не переживай, я все понимаю. Я тоже... один раз... так поступила.

Сладушка для Давыда